

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316.2.005.1

JEL Z19

DOI 10.26425/1816-4277-2020-11-5-11

Амелина Елена Михайловна
д-р филос. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9815-7417
e-mail: Em-amelina@yandex.ru

Г. П. ФЕДОТОВ О ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Аннотация. Проанализирована историческая трансформация российской управленческой элиты с точки зрения известного отечественного историка, социолога и философа Г. П. Федотова (1886–1951). Раскрыты выделяемые им цивилизационные особенности и этапы эволюции элиты. Выявлены социально-психологические, умственные и иные характеристики, данные мыслителем основным отечественным типам управленцев: русскому европейцу, «московскому человеку» и советскому управленцу. Показана его положительная оценка управленческой культуры XIX в. Рассмотрены взгляды мыслителя на процессы трансформации и примитивизации управленческих кадров начала XX в. Проанализирован данный Г. П. Федотовым портрет советского управленца. Показан утилитаризм и американизм его социальных устремлений, порождающих социалистическую буржуазность. Раскрыто значение проведенного мыслителем анализа.

Ключевые слова: американизм, культурный вандализм, московский человек, новая демократия, православное ханство, российская управленческая элита, русский европеец, советский управленец.

Для цитирования: Амелина Е.М. Г. П. Федотов о трансформации российской управленческой элиты // Вестник университета. 2020. № 11. С. 5–11.

Amelina Elena
Doctor of Philosophical Sciences,
State University of Management,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9815-7417
e-mail: Em-amelina@yandex.ru

G. P. FEDOTOV ON THE TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN GOVERNING ELITE

Abstract. The article analyses the transformation of the Russian management elite from the point of view of the famous Russian historian, sociologist and philosopher G. P. Fedotov (1886–1951). The paper discloses the civilizational features and stages of the evolution of the elite. The author reveals social, psychological, mental and other characteristics given by the thinker to the main domestic types of managers such as: a Russian European, a “Moscow man” and a Soviet manager. The study shows his positive assessment of the management culture of the nineteenth century. The article considers the thinker’s views on the processes of transformation and primitiveness of management personnel of the early 20th century. The paper analyses the portrait of the Soviet manager given by G.P. Fedotov. The author shows the utilitarianism and Americanism of his social aspirations, which give rise to socialist bourgeoisness. The study reveals the significance of the analysis conducted by the thinker.

Keywords: Americanism, cultural vandalism, Moscow man, new democracy, Orthodox Khanate, Russian administrative elite, Russian European, Soviet Manager.

For citation: Amelina E.M. (2020) G. P. Fedotov on the transformation of the russian governing elite. Vestnik universiteta. I. 11, pp. 5–11. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-11-5-11

Исследование российской управленческой элиты является важной и актуальной задачей, так как судьба любого общества зависит от того, насколько профессиональны, гражданственны и преданы делу слои, находящиеся у власти. Выдающийся отечественный социолог П. А. Сорокин указывал, что одной из основных причин гибели или расцвета народов являлось «резкое качественное изменение состава населения в ту или другую сторону» [4, с. 84]. Войны, непродуманные резкие реформы и революции проводят селекцию

© Амелина Е.М., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

всех, в том числе высших, слоев общества, унося с собой лучшие его элементы. Те же, кто остаются уже не имеют качеств ушедших, но именно они занимают первые места. Осмыслению процессов трансформации русской элиты были посвящены исследования таких выдающихся русских социологов, как П. А. Сорокин и А. А. Зиновьев. Их труды уже достаточно хорошо известны. В меньшей степени исследованы взгляды Г. П. Федотова (1886–1951), видного отечественного философа и историка, социолога и публициста, создателя замечательной монографии «Святые Древней Руси: X–XVII столетие» (1931). Исследователи его творчества – Л. А. Гаман, О. Д. Волкогорова, В. И. Кураев и др. – направляют свое внимание на общеисторические и религиозно-философские стороны его творчества [1; 2; 3]. Мы же попытаемся выделить социологический аспект анализа им российской элиты.

Г. П. Федотов получил образование на историческом отделении Петербургского университета, где он в дальнейшем и преподавал. В 1925 г. мыслитель эмигрировал из России и стал профессором Православного Богословского института в Париже. Затем война заставила его уехать в США. Исследования Г. П. Федотова по истории и религии России, а также его публицистика, обладавшие глубиной мысли и оригинальностью, сделали его мировоззрение ярким явлением отечественной мысли. Значительное внимание мыслитель уделял исследованию развития российской управленческой элиты, которая, как он считал, выступает важным фактором, конструирующим российское государство и направляющим его историю. В связи с исследуемой нами проблематикой наибольший интерес представляют такие его работы, как: «Правда побежденных», «Создание элиты», «Письма о русской культуре», «Россия и Свобода», «Проблемы будущей России» и др. В данной статье, впервые на основании многочисленных авторских научных работ мы постараемся рационально реконструировать его представления о том, как формировалась и как менялась отечественная элита; какие ее качества и социальные типы помогали сохранению и развитию государства; какие катастрофы переживал русский управленец. В какой мере ему удалось сохранить достижения, смысловую и профессиональную преемственность в своей эволюции? Ответы на эти и другие вопросы мы будем искать, опираясь на принципы историзма и диалектики.

Социальная методология Г. П. Федотова исходила из необходимости ценностного подхода к общественному развитию. При этом особую роль в социальном познании Г. П. Федотов отводил установке, объясняющей социальные явления через влияние господствующего духа культуры. Так на события 20-х гг. XX в. в России, с его точки зрения, огромное влияние оказал «дух большевизма», «дух партии Ленина», овладевший значительной частью населения. Существенной чертой методологии мыслителя явилось также и его обращение к цивилизационно-культурному своеобразию анализируемого общества, а также к специфике пройденного им исторического пути. Важной методологической установкой историка была идея глубокого единства процессов развития страны. Это единство проявляется в возрождении предыдущих архаичных социокультурных пластов и отношений в случае гибели новейших, сложных этапов культуры с ее носителями. Так, Октябрьская революция, уничтожившая, по его мнению, целые классы носителей высшей культуры, обнажила и поневоле возродила более простой и примитивный исторический пласт социальной жизни.

Как мы уже отметили, важным объектом исследования для мыслителя являлись те слои российского общества, которые находились у руля управления страной. Их изучение сопровождалось осмыслением того, как народ отвечал на поведение и установки своей управленческой элиты. Главное внимание Г. П. Федотов уделял временному этапу с XVIII в. до середины XX в. В качестве предварительного введения он констатирует, что князья Киевской Руси, не имевшие сильной государственности, были вынуждены пойти на длительную выучку к победившей их стране татаро-монгольской элите. Это способствовало усвоению и перенесению правящими верхами деспотических традиций на Русь. «В самой Москве, – пишет Г. П. Федотов, – вводятся татарские порядки в управлении, суде, сборе дани. Изнутри татарская стихия овладевала душой Руси, проникала в плоть и кровь» [6, с. 283]. После победы над монгольскими ордами, собиравшие свои земли Москва уже проводила усвоенными восточными методами, увозя к себе весь верхний слой присоединяемого населения. Становлению деспотических форм управления русской элиты способствовало, в том числе, и культурное влияние византизма – «тоталитарной культуры с сакральным характером власти», исключавшей «всякую возможность зарождения свободы в своих недрах» [6, с. 279]. Совмещая такие разнородные элементы, как православные традиции и наследие ханов, Русь предстала совершенно уникальным историческим явлением – «православным ханством», а поставленная царями задача строительства сильного и независимого государства на скудном экономическом фундаменте, привела к уничтожению свободолюбивого

боярства, опричнине, варваризации управления и закреплению народа. Эти процессы были прямо противоположны тем, которые происходили в это время на Западе.

По мнению Г. П. Федотова, в XVI в. и XVII в. не только цари, но и народ, крестьянство сделали свой исторический выбор стиля управления, в котором беспощадность и жестокость становятся родовыми чертами. Рассматривая самодержавного царя, как лучшую защиту от притеснения господ, народ отдал предпочтение деспотическому государственному могуществу, а не свободе. Понятие свободы, считал исследователь, было чуждо народным массам. Ближе была мечта не о свободе, а о воле, которая понималась или в уходе от общества, или «во власти над обществом, в насилии над людьми» [6, с. 286]. Жажда воли проявлялась в стихийных выступлениях, после которых народ надолго, иногда на столетие успокаивался в своем рабском состоянии.

Главный управляющий класс страны – дворянство – после длительного господства восточных влияний, испытал, указывал социолог, сильнейшее воздействие Петровских реформ. Став господствующим меньшинством, оно, как и многое в управлении, получило западноевропейскую выучку. Дворянское мировоззрение восприняло черты, несвойственные основной массе народа. Сами петербургские императоры по меньшей мере внешне изменили восточный стиль жизни на западный. «Петербургский двор, – пишет Г. П. Федотов, – хотел равняться на Потсдам и Версаль, а вчерашний князь московский, наследник ханов и василевсов, чувствовал себя европейским государем», он «постоянно оглядывался на своих немецких кузенов, он был воспитан в их идеях и традициях» [6, с. 290]. Как считал Г. П. Федотов, XVIII в. стал эпохой расцвета дворянского влияния в управлении и полного единства дворян с царской властью. На местах, в губерниях, над нижними этажами управления (дьяками и подьячими) возвышался царствующий вельможа. Окруженный многочисленными родственниками, он задавал особый дух подвластным территориям, рассматривая службу как жалованную ему вотчину. Разлад между дворянством и царями происходит после выступления декабристов. Во второй четверти XIX в. дворянство отодвинулось от политики, но его культурную и управленческую миссию взяли на себя бюрократия, армия и интеллигенция, ставшие инобытием дворянства предшествующей эпохи.

Г. П. Федотов рассматривал XIX в. как наиболее плодотворный в развитии управленческой сферы страны век. В. В. Сперанский (1771–1839), которого он оценивает как выдающегося правоведа и общественно-го деятеля, стал автором всеобъемлющей системы обновления государственного аппарата. Его деятельность порождает особый реформаторский дух общественной жизни. В. В. Сперанский, указывает историк, сумел создать в России новую форму управленческой жизни, уложив талантливую, но неорганизованную русскую натуру «в тончайшую систему табели о рангах», уравнивая дворянина с разночинцем [5, с. 138]. И хотя нововведения в сфере управления приживались с трудом, сопровождаясь засильем на руководящих постах балтийских немцев, русский чиновник сумел вложить в эту «чуждую ... форму труда и службы капельку сердца» и «теплоту русского патриотического чувства» [5, с. 138]. Как считал Г. П. Федотов, многие николаевские управленцы этого периода, в сложных ситуациях буквально спасали Россию, имея идеал неподкупного и праведного служения. В 1850-е гг. в российском управлении появилось творческое поколение либеральных реформаторов, обновлявших и «проветривавших» самые глухие углы России. Они проводили ревизию губерний и искореняли взяточничество, являя собой весьма популярный тип для писателей XIX в. Мыслитель указывает, что идеологическим выразителем идей правящего слоя той поры стал русский консерватизм и его общепризнанный лидер М. Н. Катков (1817–1887).

Важную заслугу управленческой элиты XVIII в. и XIX в. Г. П. Федотов видел в формировании особого типа управленца – «русского европейца» или «имперского человека». Он сформировался и окреп под сильным влиянием европейского просвещения, когда, как пишет историк, Европа стала настолько близка России, что «жила более реальной жизнью на берегах Невы, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее» [6, с. 178]. Русский европеец, имел в качестве своих идейных прародителей знаменитых государственных деятелей прошлого – бояр А. С. Матвеева (1625–1682) и А. Ф. Ордина-Нащокина (1605–1680). Он являл собой тип творческой личности, отличавшейся свободой духа и блестящим знанием европейских языков; он создавал дух творческой деятельности и патриотического служения, ощущая себя свободно и самодостаточно в любой культурной среде; он был тесно связан с отечеством мыслью и верой. Это человек сильного характера и конструктивных намерений, стремившийся внести позитивные изменения во все сферы российской действительности. Работая в суде, земстве и университете, русский европеец был своего рода подвижником. Имея своим стержнем идеал бескорыстного служения, он «взваливал на себя всю тяжесть мучительной

в России культурной работы» [6, с. 179]. «В эпоху великих перемен, – пишет Г. П. Федотов, – на короткое время европейцы опять стояли у власти. Мы еще видели последних могокан в Сенате, Государственном Совете, при двух последних императорах, когда оттесненные от власти и влияния, они хранили свой богатый опыт, свою политическую мудрость – увы уже ненужную вырождающейся династии» [6, с. 179]. Расцвет этого типа, присутствующего на исторической арене до конца XIX в., пришелся на царствование Александра I.

С царствования Александра II, указывал Г. П. Федотов, начался кризис российской бюрократии. В управленческой среде постепенно утратилось государственное чутье, и сложился тип лощенного карьериста, строящего свою карьеру не на интересах дела, а на способности уловить тенденции сверху. Бюрократия, поглощенная собственными личными и семейными интересами, преумножалась, раздувалась и выродилась «в огромную государственную школу безделья» [6, с. 140]. Изредка, еще давая министров-тружеников и талантливых людей (С. Ю. Витте, П. А. Столыпин), она оказалась не в силах повернуть государственный корабль в антикризисном и благоприятном для страны направлении и повлиять на царствующих особ.

К началу XX в., считал Г. П. Федотов, когорта «имперских людей» окончательно ушла в прошлое. Гражданский маразм и разложение охватило правящую управленческую верхушку. Восприимчивость русских европейцев и дворянской интеллигенции – интеллигенция разночинная – безуспешно боровшийся с обскурантизмом упадочных верхов, не имел силы и вкуса к власти. Ее выдающиеся либеральные представители, в первую очередь П. Б. Струве (1870–1944), оказались чужды и царю, и народу. В конечном счете власть и управление перешли в руки самой решительной марксистской «большевистской секты» (термин Г. П. Федотова), ставившей своей целью установление жесткой диктатуры. Таким образом управление государством и обществом, оказалось в руках людей, четверть века ведших подпольную борьбу с царизмом. Их первой жертвой и оказалась неспособная к борьбе и живущая в воздухе отвлеченных идей интеллигенция. Выступив с моральным осуждением тоталитарной диктатуры и насильственных методов управления, она подписала себе смертный приговор. Часть ее была выслана, а часть погибла в российских тюрьмах и лагерях. Двухсотлетняя история царских управленцев, констатировал мыслитель, с их достоинствами и недостатками, также как история свободолобивой русской интеллигенции закончилась вместе с гибелью всего верхнего этажа старого общества и его культурной среды. Сознательное истребление культурного багажа столетий обернулось серьезным понижением общего культурного уровня, в том числе культуры управленческой. В России 1920-х гг., указывал социолог, стало почти невозможно встретить культурного человека в старом смысле слова.

Конечно, история не знает абсолютной пустоты, и связь времен неизбежно восстанавливается по закону, который Г. П. Федотов называл законом исторической преемственности. Гибель последнего двухсотлетнего культурного этапа бытия России и ее управленческой верхушки обнажила сохранившийся предыдущий исторический слой XVI–XVII вв., в котором господствующим социально-психологическим типом был «московский человек», защитник допетровского государства. Характеризуя «московского человека», отсидевшегося вплоть до Октябрьской революции в русской глубинке и в деревнях, Г. П. Федотов отмечал его преданность власти, силу характера, крепость, выносливость, честолюбие, духовную черствость, своеобразный фатализм и равнодушие к судьбе ближнего, парадоксально соседствующее с жалостливостью. Этот человек примитивен, он не рассуждает, а принимает на веру несколько догматов нравственной и общественной жизни, он с трудом усваивает иностранные языки, не любит и боится Запада. От бывших верхних слоев русского общества его отделяла колоссальная культурная пропасть, обернувшаяся непониманием и агрессией. Ненависть к западному просвещению сливалась у этого человека, писал мыслитель, «с классовой ненавистью к барину, дворянину, капиталисту, к чиновнику...» [6, с. 297].

Как считал Г. П. Федотов, в Советской России инобытием вновь воскресшего «московского человека» стал антилиберальный советский человек, а победительницей, занявшей кормило управления, оказалась «новая демократия», то есть «из низов подымающаяся интеллигенция» [6, с. 167]. Ее представители – люди без настоящих знаний, не прошедшие дореволюционной средней школы и получившие аттестат экстерном. В старой России они принадлежали к особому низшему этажу культуры, но волею революционных судеб оказались выброшены в верхние слои социальной пирамиды. Полуграмотные, плохо говорившие по-русски, они испытывали зависть к остаткам старых образованных слоев общества, но задавали тон во всех сферах жизни. «Ныне в России сапожники (фигуральные), – восклицал социолог, – учат художников, а вахмистры – писателей» [5, с. 223].

Новые управленцы представляли собой особое сословие, в котором слились представители «новой демократии», верхушка пролетариата и остатки старой бюрократии и интеллигенции. Последний отмирающий слой успел через технические кадры передать вновь пришедшим свой опыт форм и рабочих приемов. Малограмотные и не знавшие дела люди со временем обтесались, прижились и придали советскому управленческому механизму не всегда качественный, но стремительный темп работы. Сложившаяся система управления стала опираться на советский актив, со свойственным ему безоговорочным подчинением любым указаниям верхов. Для его представителей, не знавших никаких форм свободной культуры и дискуссий, была невообразима сама идея открытого противоречия начальству. Так, печально заключает мыслитель, в управлении возродился тип опричника, чья этика целиком была подчинена задачам партийного и революционного утилитаризма.

Однако подлинно правящим слоем, с его точки зрения, в России стала вышедшая из той же «новой демократии» коммунистическая партия. Она находилась на содержании государства и подчинялась единственному лидеру. Здесь создавались кадры людей, далеких от действительной культуры, для которых не было ничего важнее коммунистических идей и приказов сверху. Если поколение партийцев-соратников В. И. Ленина (Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев), отмечает Г. П. Федотов, еще не было чуждо культуре XX в., и все еще знало свободу выражения своего мнения, то вызванный к власти новый слой был совершенно свободен от предрассудков и культурных преград. Столкнувшись с богатой русской культурой, он стал выкорчевывать ее с корнем. Так пошли под нож русская философия, историография, богословие и даже часть литературы. Культурный вандализм новых управленцев породил всеобщее оскудение, превратив страну в «собачью пещеру» единообразной мысли. Рисуя новый тип управленца, Г. П. Федотов указывает, что советский управленец не «русский европеец» прошлого, не старый разночинец и не добрый русский богатырь. Его идеальный тип – мужской героический тип чекиста в шинели времен гражданской войны. Он не добрый и не знает укоров совести. Он суровый, жестокий и безжалостный боец, сильный своей ненавистью к отживающим классам, и убежденный в том, что даже зло, совершаемое в интересах пролетариата есть добро. Его портрет в тех или иных формах запечатлен в произведениях М. А. Шолохова и Л. М. Леонова. Деятельность этого управленца связана с пафосом разрушения и борьбы. Он видит эту борьбу везде: в хозяйстве (раскулачивание), в религиозной сфере (уничтожение церквей), в искусстве и литературе (уничтожение «буржуазной» культуры) и т. д. Новый советский управленец, находя везде подоплеку классового интереса, не гнушался использованием механизмов клеветы, компромата и унижения, не видя в этих деяниях ничего нравственно порочного. Его цель – достижение безусловной покорности подчиненных. «Нужно унижить, скомпрометировать, – пишет Г. П. Федотов, – возможно больше членов партии, чтобы они не могли выйти из повиновения» [6, с. 36]. Итогом такого управления стала «сталинокрапия» с ее раболепствующей перед парией и вождем интеллигенцией, занявшей в социальной иерархии последнее место после рабочих и крестьян.

Острые своей критики историк направлял не только на нравственно разлагающий дух управления. Он рассматривал взятый политико-экономический курс советских преобразований как чисто утилитарный, находящийся вне творческих национальных задач. С его точки зрения, поставленные социалистическими управленцами цели (необходимые на этапе послевоенной разрухи), не выходили за рамки удовлетворения материальных потребностей и были нацелены на комфортное совершенствование жизни. Этот технический и культурный утилитаризм, не поднимающийся выше накопительства, изумлял философа. Задачи материального комфорта относились, по его мнению, к низшим этажам культуры. Они были годны для Америки, с ее «культурой танков и двуспальных кроватей», но не для России, чьи выдающиеся мыслители, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, размышляя об истинном достоинстве человека, находили смысл культурного развития народа в задачах творчества, познания и служения. Подлинная культура, писал философ, есть «высшее напряжение творчества народа», и оно «одно оправдывает его историческое существование» [6, с. 200]. За техническим утилитаризмом сталинского управления мыслитель прозревал грядущий расцвет социалистической буржуазности, подражательный американизм, утрату Россией своего национального лица.

Социолог приходил к выводу, что сталинские методы управления «воспитали подданных для любого деспотического режима» [6, с. 26]. Русский народ, имея инерцию восточной покорности, после таких воспитательных пертурбаций, стал представлять собой лишь «чистую глину, ожидающую горшечника»: германского, магометанского и любого другого [6, с. 229]. Русский человек очерствел, огрубел и упростился. Его капитал вековой покорности – подарок для грядущих вождей. И без того трагическая история России,

заключает философ, не позволяет рассчитывать в будущем на какие-то исключительно удачные перспективы. «Можем ли мы, – пишет он, – пережившие стольких безумных или слепых правителей, рассчитывать непременно на удачу?» [6, с. 231].

Г. П. Федотов не устал размышлять над средствами создания новой, действительно культурной элиты взамен уничтоженной. Он с удивлением и осторожным оптимизмом анализировал отступления сталинизма в управлении духовной жизнью страны, выразившиеся в допущении патриотизма и знакомства с наследием великих русских писателей. Это, считал мыслитель, позволит народу нравственно пройти по тому же духовно-историческому пути, который прошла в свое время отечественная интеллигенция, потому что тысячи пропагандистских газет не способны перевесить по своему влиянию одно произведение Л. Н. Толстого. Философ видел, что советский патриотизм, имевший первоначально революционный мотив, во Второй мировой войне «разбудил ключи дремавшей нежности – к поруганной родине, к женщине, жене и матери солдата» [5, с. 301]. Он наблюдал за становлением новой, трудящейся и стремившейся к знаниям интеллигенции и надеялся на то, что ее неизбежное знакомство с идеалами прошлого изменит и руководящую элиту, и народ. Одно из главных условий возрождения народа и его национального самосознания социолог связывал с политической свободой и освоением духовного наследия России. Следует признать, что некоторые идеи Г. П. Федотова, в частности, нацеленные на создание новой российской, европейски образованной высококультурной элиты, оказались в дальнейшем осуществлены. Его мечты о возрождении классических школ и университетов реализовались в брежневский период, когда было создано общество, высоко ценившее образование, успевшее в доперестроечный период воплотить свои достижения в сфере науки, техники и культуры (1950–1980-е гг.).

Итак, исследование Г. П. Федотовым эволюции российской управленческой элиты раскрывает нам роль и влияние цивилизационных факторов на укоренившиеся стиль и деспотические методы управления, и объясняет в целом пассивно-страдательную позицию народа в решении государственных задач. Проведенный мыслителем анализ показывает, что воспитанная в традициях восточных завоевателей элита, в дальнейшем длительный период «переучивалась» под влиянием Петровских реформ и европейского менталитета. Возникший в русском управлении уникальный тип «имперского человека» с успехом решал творческие задачи, поставленные историей XVIII–XIX вв. Октябрьская революция уничтожила и представителей этого управленческого слоя, и сопровождавшую его сложную двухсотлетнюю культурную среду, обнажив архаичные культурные пласты прошлого. Это уничтожение привело не только к резкому падению профессионального, нравственного и культурного уровня управления. Оно, как утверждает мыслитель, означало смену лица России, иную интерпретацию национального творчества и, в конечном счете, победу социалистического утилитаризма.

Исследование эволюции отечественной элиты, проведенное Г. П. Федотовым, носит несомненно критический характер по отношению к победившим в революции силам. Оно явилось своеобразным реквиемом по погибшему русскому «имперскому человеку» и русской свободолубивой интеллигенции. Мыслитель раскрыл всю трагедийность судьбы отечественного управленческой элиты. Ее историческую эволюцию он видит через резкие нигилистические разрывы, через утрату предыдущего смыслового самоопределения властных группировок. По-прежнему актуальна критика историком деспотических форм правления периода сталинизма и его нравственно-разлагающего стиля воздействия на все общество. Он верно подметил возродившуюся в России тенденцию, а именно, периодически появляющуюся группу опричников-управленцев, которые с особой ненавистью и безжалостностью уничтожают накопленные предшествующим этапом жизни смыслы, культуру и профессионализм. Не секрет, что подобный опричный стиль воскрес в стране в 1990-е гг., когда внезапно целые слои бывших управленцев были признаны негодными, а деятели советской интеллигенции были или оставлены без средств к существованию, или вынужденно уехали из страны. В этот период профессиональный и нравственный уровень управления вновь понизился, впитав в себя новые слои и лица, заботившиеся не о государственных задачах, а о своей узкокорыстной выгоде.

Историческое подтверждение получила и высказанная Г. П. Федотовым мысль о развитии и постепенном созревании в стране социалистической буржуазности. Эта буржуазность не умерла, а расцвела пышным цветом, реализовавшись в деятельности привилегированных перестроечных элит. Именно тогда, социально и психологически переродившаяся часть управленческого аппарата, захотела стать буржуазией уже в экономическом отношении и совершила государственный переворот. Утилитаризм идеалов советского периода, выродившись в замыслы буржуазного накопления, победил социалистическую мечту. Социолого-исторический

анализ эволюции российской управленческой элиты, проведенный Г. П. Федотовым, несомненно сохраняет свою актуальность и является своеобразным методологическим ключом к объяснению не только прошлых сложных периодов российской истории, но и событий 1990-х гг. и их сегодняшних кризисных последствий.

Библиографический список

1. Волкогонова, О. Д. Г. П. Федотов о национальном характере и истории России // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Т. 4. – № 4. – С. 247-255.
2. Гаман, Л. А. Советская история в изображении Г.П. Федотова: к постановке вопроса // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. – 2005. – Т. 308. – № 3. – С. 213-218.
3. Кураев, В. И. Федотов, Г. П. Русская философия: Энциклопедия. – М.: Мир философии, 2020. – 832 с.
4. Сорокин, П. А. Современное состояние России // О русской нации. Россия и Америка. – М.: Издатель Е. С. Троицкий, 1992. – 114 с.
5. Федотов, Г. П. Революция идет // Судьба и грехи России. В 2-х тт. Т. 1. – С.-Петербург: София, 1991. – 352 с.
6. Федотов, Г. П. Россия и свобода // Судьба и грехи России. В 2-х тт. Т. 2. – С.-Петербург: София, 1991. – 352 с.

References

1. Volkogonova O.D. G.P. Fedotov o natsional'nom kharaktere i istorii Rossii [G.P. Fedotov on the national character and history of Russia]. Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal [Liberal Arts in Russia], 2015, vol. 4, no. 4, pp. 247-255.
2. Gaman L.A. Sovetskaya istoriya v izobrazhenii G.P. Fedotova: k postanovke voprosa [Soviet history in the image of G.P. Fedotov: to the statement of the question]. Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering], 2005, vol. 308, no. 3, pp. 213-218.
3. Kuraev V.I. Fedotov G.P. Russkaya filosofiya: Entsiklopediya [Russian philosophy: Encyclopedia]. Moscow, Mir filosofii, 2020. 832 p.
4. Sorokin P.A. Sovremennoe sostoyanie Rossii [Current state of Russia]. O russkoi natsii. Rossiya i Amerika [About the Russian nation. Russia and America]. Moscow, Izdatel' E.S. Troitskii, 1992. 114 p.
5. Fedotov G.P. Revolyutsiya idet [Revolution is coming]. Sud'ba i grekhi Rossii [Fate and sins of Russia], V 2-kh tt. T. 1. St. Petersburg, Sofiya, 1991. 352 p.
6. Fedotov G.P. Rossiya i svoboda [Russia and freedom]. Sud'ba i grekhi Rossii [Fate and sins of Russia], V 2-kh tt, T. 2. St. Petersburg, Sofiya, 1991. 352 p.